

Больница Управления общественной безопасности,
Пекин

1 мая 1991 года

Мой дорогой Мао,

Сегодня еду мне принесли еще затемно. Я была настолько голодна, что не могла спать дальше, а тут же пошла с миской к окну, где было достаточно света, чтобы разглядеть и зацепить личинки, которые они кладут мне в еду, — скорее для своего развлечения, чем для моего пропитания. И там, на полу, где ночь освещала ночь, я заметила нечто, о чем хотела бы тебе рассказать, нечто, что избавило меня от немоты и заставило наконец, к тебе обратиться. Я заметила, любовь моя, что обращаю внимание на свои пальцы, касающиеся палочек, риса, личинок, но не на сами вещи. Мой взгляд был прикован не к тому, в чем я испытывала голод, а к голодающей — самой себе. И тогда я поняла, что изменилась. Я осознала себя. Благодаря бессоннице и лишениям я обрела способность смотреть на мое бытие сверху и издалека, и мое бытие поэтому стало бытием другого, единичным и отдельным. Я поняла, что наконец, смогу подвергнуть критике свои недочеты и ошибки, исправиться, оправдаться перед тобой, как перед судьей.

Ты знаешь, что мне всегда было сложно успокоить разум. Я жила недисциплинированно. Мне трудно было проявлять настойчивость, я слишком любила

брести своим путем, постоянно переходя с одной дороги на другую, — утром служила Цинь, а вечером — Шу¹. Но в тот момент, в тот долгий и тихий момент я обрела ясность. Я увидела, как черное становится белым, а белое — черным, и, возможно, впервые обрела над собой власть. Старая защита, из которой я давно возвела вокруг себя стены, пала, и со мной осталась только та обнаженная фигура, которую я видела.

Было шоком так столкнуться с собой; таким шоком, что когда я услышала вопль из другой камеры, то подумала, что он мог принадлежать мне. Я чувствовала себя одновременно бесконечно легкой и бесконечно материальной. Миска в моих руках, которая внезапно стала ощущаться, словно дулыжник, прошла через мои пальцы, как перо проходит через воздух. Я просто смотрела, как еда, моя драгоценная еда проливается на пол, и с удивлением поняла, что в моей реакции не было ни гнева, ни отчаяния. Я не плакала, не ругалась, не ползала по полу, собирая упавшее, как отчаянно бы делала еще вчера. Убо обнаружила, что мне этого больше не надо. Более того, у меня вообще больше не было желаний — каждый мой орган был удовлетворен и сыт.

Чаша из дешевого дамбука отскочила от пола, повернулась набок и покатилась, остановившись вверх дном. Этот шум привлек внимание часового в коридоре. В двери открылось окошко, и я почувствовала, как внутрь через решетку проникает ее взгляд, — и я не лгу тебе, почтенный муж, клянусь, в тот момент я сама находилась на месте часового. Я тоже

¹ Цинь, Шу — соперничавшие древнекитайские государства периодов Весны и Осени и Сражающихся царств. — Прим. пер.

СЕСТРЫ МАО

была снаружи и смотрела внутрь, видела то, что видела она, ее глаза были моими глазами: они рассматривали мои движения, проникали в мои мысли.

Ц, о великий спаситель, какое тогда я испытала блаженство! Какая радость после шока! Эта радость остается во мне до сих пор, и, кажется, она неуязвима. Я достигла той точки, к которой стремятся каждый революционер, каждый китаец, каждый коммунист в мире, — точки, с которой можно начать тотальную самокритику. Целая жизнь репетиций — и вот начинается представление.

Твоя маленькая актриса
Цзян Цин

АЙРИС

1968

I

Айрис никогда прежде не бывала в этой квартире. Она бы и сейчас в ней не оказалась, если бы за четыре дня и ночи не обошла все привычные заведения. В среду она вышла из дома с намерением заглянуть в «Спикизи» и выпить всего один напиток. Выпивка превратилась в тяжелую ночь в «Хэппенинг 66», за которой последовал 48-часовой поход по ночлежкам и сквотам¹ Эрлс-Корта. Где-то в субботу в баре «Мидл Эрт» она потеряла из виду последнего надежного знакомого. За неимением альтернатив она решила превратить в друзей группу офисных клерков. Продав им несколько трипов², она в качестве своего рода консультанта и гида пошла с ними, и вместе они направились на импровизированную воскресную вечеринку на пустыре в Ноттинг-Хилле. Затем, после полицейского налета, она проводила их сюда, на это место на Портобелло-роуд. Еще один акт щедрости с ее стороны. Ей бы лучше закончить день и как следует выспаться, но держать свой опыт при себе она не могла.

¹ Сквоты — самозахваченные места обитания.

² Трип — состояние галлюцинаций от психоделиков. Здесь в значении «порций» наркотиков.

Квартира, которую она подвергла полному осмотру по прибытии, была обставлена по всем канонам ушедшей эпохи — обычные обои в цветочек и темные ковры, которые намеренно не убрали. Вместо этого их прикрыли дешевыми символами современности: комнатными растениями, полосатыми казахскими коврами, киноафишами в рамках, орнаментами с буддистскими мотивами. В гостиной на место камина был поставлен газовый обогреватель, а перед ним буквой Г стояли надувные диваны. В прилежавшей к ней столовой не было ни столов, ни стульев, зато были разложены подушки и кресла-мешки, образующие на полу круглое пространство для танцев. Под проектором, на месте занимавшего раньше почетное место комода, стояла мощная акустическая система Bang & Olufsen. Вдоль стен тянулась вереница пластинок. Сейчас из колонок звучал Pink Floyd.

— Челы, вы любите пластиковое дерьмо, — сказала она.

Остальные — дизайнеры, рекламщики и маркетологи — рассмеялись. В ответ на открытое презрение с ее стороны они относились к ней тепло и приветствовали в своем кругу, не ожидая, что она станет такой же, как они: ведь в наше время все тусуются со всеми.

— Отлично, — сказала она, потому что поняла их игру, и сопротивляться было слишком поздно. — А теперь кто из вас, мерзких бюрократов, подкурит мне сижку?

У нее не было никакой уверенности в том, что с ними получится чего-то добиться — они были старше ее привычного окружения, остроумнее и много думали о стиле. Их портили вечные разговоры об успехе. Их манера подробно рассказывать при знакомстве, кто они, что любят и не любят, вызывала недоверие. Чтобы заставить таких людей принять истины, доступные подпольным фрикам сразу, можно потратить всю жизнь.

Танцую среди них, она намеренно избегала смотреть им в глаза. От них, от глаз, исходили тонкие нити света, которые грозили опутать ее и вернуть в тот мир, из которого ее вызволил ЛСД.

Опустив глаза и смотря на тела — на светящиеся узоры, которые рисовали в воздухе руки, или на искры, взрывавшиеся при соприкосновении бедер, — она сумела удержаться здесь, прямо в переживании.

В такой толпе нередко теряется один факт: для хорошего трипа нужна концентрация. Дисциплина. Без нее трип, скорее всего, окажется поверхностным, не даст уроков, принесет негативные эмоции, которые непременно приведут к тяжелому отходняку. Айрис регулярно принимала ЛСД два года, и за это время у нее было множество бэд-трипов, от которых она, казалось, никогда не оправится. В каждом случае она совершала одну и ту же ошибку: к смертельно серьезному подходила как к чему-то легкому. Хитрость, которую человек постигал только после долгой практики, заключалась в том, чтобы уделять галлюцинациям внимание и относиться к ним не как к будто-бы-реальности, а как к реальности самой настоящей. Прийти к этому было нелегко. Ум вел себя как капризное божество: он превращал все, что лежит вне его понимания, в то, чего следует бояться. Но у Айрис не было варианта сдаться, раз и навсегда подчинившись ограничениям разума. Она собиралась упорствовать. Сильнее грести против течения. Толкать тележку вперед. Хотела увидеть истинную суть всех вещей и соединиться с ними, стать единым целым, чтобы между ней и ними больше не было различий.

Испытав жажду такого единения, она потянулась вверх, чтобы схватить предметы, которые проплывали сразу за гранью ее зрения. Затем, взглянув на свои руки, рассмеялась над тем, как странно чувствовать себя отдельной от них. Ее руки были чем-то иным — как цвета и формы, которые они хотели схватить, никому не принадлежащими. Чем больше у нее было трипов, тем менее странным становилось это ощущение, поэтому сейчас было важно помнить, насколько оно революционно. Не что иное, как конец односторонности. Переход к третьему лицу. Самопереворачивание.

Вновь осознав это, она издала дикий вопль, и почувствовала, как сквозь нее прошло все электричество в комнате. Тело выгнулось назад и снова и снова билось в конвульсиях, каждая его часть находилась в этой ритмичной волне, которая лишь по случайности совпадала с движением музыки. Течение ее конечностей, замкнутое в себе, не выходявшее за свои границы, теперь сочилось на другие поверхности пространства, и наоборот: течение комнаты распространялось на ее конечности. В результате получался бурлящий океан примитивных цветов, давление которого она ощущала вокруг себя.

Океан расступился, когда танцевать прямо перед ней вышел мужчина (возможно, хозяин квартиры). Он подражал ее движениям, как будто таким образом он мог абсорбировать часть ее дикости. Айрис, думая, что ему нужна поддержка, улыбнулась, и в ответ он схватил ее за руку. Ей не хотелось, чтобы ее так хватали, но она позволила, потому что бархат его пиджака, касаясь кожи, вызывал приятные ощущения. Глаза мужчины пульсировали под сияющим ореолом светлых волос, в его радужках Айрис могла различить крошечные кристаллы, состоящие из идеальных геометрических фигур, из которых вырывались лучи света. Она видела великолепие каждой крупинки.

Он приблизился к ее уху. Щекотка от его бороды разлилась до самых пальцев ног.

— Некоторые из нас здесь разбились на группы.

Чтобы его было слышно на фоне гитарного риффа Сида Баррета в *Interstellar Overdrive*, приходилось кричать.

— Ты можешь остаться тут или пойти с нами в спальню — выбор за тобой. Мы идем в спальню, вон туда. Ты можешь присоединиться в любой момент или пойти домой, решение полностью твое. Полностью. Что бы ты ни решила, все будет окей, хорошо?

Она подумала, что ее просят уйти, чего она делать совсем не хотела, и почувствовала, как пала духом. Ее взгляд померк.

— Ха-ха. Точно, — сказал мужчина.

Когда он говорил, его рот занимал всю нижнюю половину лица, а когда замолкал — исчезал полностью.

— Я всегда могу сказать, когда птичка готова. За милую вижу.

Айрис пришла в недоумение. Она вроде бы колебалась, сдерживалась, но ее тело определенно двигалось вперед и следовало за ним по коридору. Ее рука была в его руке, его шаг направлял ее шаг, она словно наблюдала за собственными желаниями извне. Загадочное ощущение, которое следовало осмыслить, но времени не было. Спальня уже здесь, и вот она в ней. Тусклая, чадная пещера, вокруг благовония и свечи, скрывающие запахи. Воздух был слишком тяжел, чтобы можно было дышать с комфортом. Множество мелких звуков — шепот, шорохи, чмокающие звуки, издававшиеся ртами и языками, — но в целом было до жути тихо; звуки музыки снаружи напоминали далекие колокольчики.

Мгновение ушло на то, чтобы привыкнуть к темноте. Сначала казалось, что в комнате пусто, но потом она начала замечать отдельные предметы, будто к обстановке добавлялись новые детали. Восточный гобелен на стене. Четыре человека на кровати. Двое в одном кресле, еще один в другом. У окна — обнимающаяся пара. Двое, трое — сколько? — ходят вокруг, наблюдая или чего-то дожидаясь.

Она ожидала, что блондин попытается ее соблазнить, но он отпустил ее руку и ушел через комнату, на ходу сняв пиджак и рубашку. Внезапно оказавшись одна в дверном проеме, она не понимала, что делать, кроме как каким-то образом стать невидимкой среди этих тел. Заметив свободное место у задней стены, она опустилась на четвереньки — бух! — и поползла к нему по ковра. Добравшись до места, она обернулась, как собака в траве — ковер был густой, словно подлесок, — и села, скрестив ноги и бессознательно положив руку на кафтан, чтобы он не задрался и не обнажил ее трупы.

Отсюда она будто бы смотрела на огромный мир взрослых глазами ребенка. Линии комнаты не сходились под прямым

углом, а искривлялись так, что задняя стена резко, словно туннель, сходилась в далекую точку света. Из-за этого тела на дальней стороне кровати уменьшались, а на ближней — превращались в гигантов. С отстраненным любопытством она изучала сначала гигантов, затем — карликов. Здесь, там, сверху, снизу, сзади и с боков: все они верили, что их ебля делала мир лучше. Воображали, будто они освободились, в то время как на самом деле носили ту же броню и играли в те же игры.

По опыту она знала, что не стоит высказывать подобные суждения о происходящем. В прошлом на это ей говорили, что она боится сексуальности, потому что пуританка и ханжа. Это обвинение больно ранило, но она не могла полностью его отрицать. Это было правдой: она действительно боялась секса, по крайней мере некоторых его аспектов, отчего была нерешительной и зачастую одинокой. Большинство мужчин казались ей скучными и навязчивыми. Тех немногих, которых она к себе подпускала, — впоследствии отвергала, когда они пытались ею овладеть. Она не была способна ни на свободную любовь, ни на традиционные отношения: этот путь был невозможен, и она это знала. Ее отвращение к контакту само по себе было формой привязанности. Она гордилась своей самостоятельностью, но чаще всего это выливалась в болезненное отстранение. Размежевание. Отступление в ее нынешнюю позицию — в угол, в котором она сейчас, как скваттер, сидит.

Пока она искала точку входа, комната наклонялась и раскачивалась. *(Она имела дело с формой подавления, которую — да, сейчас — она должна была победить.)* Среди различных комбинаций тел она не увидела ни одной, которая вызывала бы в ней страсть. Но она должна была подойти. Невозможно любить на расстоянии.

Одинокая фигура в кресле.

Что это?

Прищурившись, она увидела, что это такое. Лысеющая голова. Атлетическая фигура с разрыхлевшей талией. Темные

волосы покрывали плечи и грудь, вились в верхней части ног. Это был мужчина, что широко развел колени. Он брал с приставного столика кусочки сахара, клал их под крайнюю плоть и приглашал мужчин и женщин подойти и высосать их.

Устроившись между его ног, она захихикала как женщина, которая перестала стараться быть интересной и теперь хочет только угодить.

— Не смейся, — сказал мужчина. — Я предлагаю тебе дар божественного зрения.

Тогда она его возненавидела, тем не менее взяла член в рот. Губами она раскрыла верхушку — на язык вывалился кубик сахара, и на мгновение она замерла. Как правило, она принимала наркотики только из своих партий, проверенных людьми, которым она доверяла. Ходили байки о кислоте со стрихнином.

Она вдавила сахар в щеку, чтобы он растворился.

К черту эти байки.

Ей стало казаться, что хватка мужчины вот-вот раздавит ей череп; она вырвалась и, набрав воздуха, позволила своему телу упасть на пол. Чувствуя красные вспышки самодовольного гнева, она согнула колени и раздвинула ноги: непослушная девочка, демонстрирующая миру свои трусы.

Мгновение, и она почувствовала, как пара рук пытается их стянуть. Вслепую, все еще с закрытыми глазами она ударила по рукам, чтобы остановить их, потому что деньги, все вырученные деньги, были у нее в мешочке, завязанном на талии и заправленном в трусы, и она не хотела, чтобы их украли. Вместо этого она сдвинула трусики на одну сторону, приглашая незнакомца пройти дальше. Спустя мгновение она почувствовала, как язык касается ее вагины, после чего он стал входить в нее сначала медленно, затем быстрее, толчками. Пальцы пощипывали и терли ее клитор.

Сначала ничего не было. Через некоторое время она отдалась ощущениям и вызвала что-то, что медленно захватывало. Она выгнула спину, опираясь на пол макушкой головы, и открыла глаза. Мир вокруг становился все прекраснее и значительнее,

пока не стало слишком тяжело. Теперь это был не привлека-
тельный и волнующий сад — это была огромная волна, кото-
рая накатывала на нее и разбивалась, разбивалась, разбивалась,
а она едва могла дышать.

Опять ничего. Непримечательный вид ступней и ног. Кусок
старых обоев.

Она повернулась, чтобы окинуть взглядом свое собствен-
ное тело. Оттолкнула женщину, которая скорчилась там. Лег-
ко. Но потом, когда она перекатилась на бок и подтянула ноги
под себя, это действие истратило почти всю ее энергию. Она
оказалась физически истощена. Ее охватила тяжесть, и она
снова упала лицом на ковер. В голову лезли беспорядочные
мысли, с которыми было сложно справиться. Ее тело станови-
лось все более плотным, все более тесным и сжатым, пока вся
она не стала камнем. Она не могла двинуться.

Это слишком.

«Подъем», — сказала она себе. Ей надо было встать, под-
няться над поверхностью.

Подъем. Подъем. Подъем.

Несколько мучительных мгновений она хотела закричать,
но не могла этого сделать. Она лежала неподвижно в присту-
пе фрустрации, вспышке гнева. Ей хотелось биться головой об
пол и размахивать руками...

Внезапно — минуты, часы спустя — ей показалось, что она
уже встала.

— Я встала, — сказала она, непритворно удивившись.

Она пошла в ванную. Оказавшись там, тут же снова упала,
и каждый раз, когда хотела встать, падала вновь и ударялась
об раковину. Безопаснее всего, решила она, остаться на полу.

Огромное, как ей показалось, количество времени она про-
сто смотрела — ничего не понимая, даже не желая ничего знать.

Ее стошнило, словно ее тело покинуло все напряжение.